

ВОСПОМИНАНІЯ ПРЕЛАТА БУТКЕВИЧА.

Польское востаніе 1831 года.

[Переводъ съ польскаго].

I.

Въ началѣ мятежа меня не было въ Варшавѣ и потому я не могъ быть очевидцемъ начала и распространенія возстанія въ главномъ городѣ края. Не смотря на это, я несогласенъ съ мнѣніемъ, что студенты университета и воспитанники школы подпрапорщиковъ побудили жителей Варшавы къ мятежу, и что ихъ энергія заставила русскія войска удалиться изъ города. Не въ краѣ родилось это несчастіе, но за границею, гдѣ поляки являются легкомысленнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ дипломатовъ.

Какъ только разнеслась молва, что составляется союзъ противъ Франціи, и какъ только приготовлено было въ краѣ помѣщеніе для арміи въ 200,000 солдатъ, а польское войско предположено было двинуть впередъ, въ Парижѣ начали думать о томъ, какъ бы произвести возстаніе на берегахъ Вислы, тѣмъ болѣе, что русское правительство уже распорядилось наборомъ дополнительныхъ баталіоновъ и эскадроновъ польской арміи и заказало два воза орденовъ (*virtuti militari*) для будущихъ героев¹⁾. Отправленные изъ Парижа агенты находили вообще холодный пріемъ у лицъ, принадлежащихъ къ высшему сословію, такъ какъ они, видя повсемѣстное благосостояніе страны, не хотѣли подвергнуть ее опасности; только тѣ, которые не имѣли опредѣленныхъ занятій, которые ничего не могли потерять въ случаѣ безпорядковъ въ краѣ, такъ какъ у нихъ за душой часто ни копѣйки не было, раздѣляли вполне мнѣніе агентовъ;

¹⁾ Этими орденами впоследствии были украшены русскіе солдаты за оказанную храбрость противъ возставшихъ поляковъ.

многіе изъ нихъ думали, что во время мятежа будутъ въ состояніи поживиться и, такъ сказать, выйти въ люди. Словомъ, только подонки общества оказывали радушный приѣмъ эмиссарамъ и вмѣстѣ съ ними распространяли мятежъ въ краѣ. Собственно говоря, ни малѣйшаго повода не было въ то время къ возстанію: никогда еще страна по берегамъ р. Вислы не была въ такомъ счастливомъ состояніи, какъ за нѣсколько лѣтъ до описываемаго мятежа; все въ ней процвѣтало: и торговля, и промышленность, и просвѣщеніе; при этомъ многіе имѣли полную надежду, что свобода въ краѣ еще болѣе распространится послѣ незадолго предъ тѣмъ (въ 1829 г.) совершившейся коронаціи государя въ Варшавѣ. Не храбрость и выдержанность подпрапорщиковъ и одной роты пѣхоты; не усердіе и распорядительность студентовъ заставили русское войско удалиться изъ Варшавы и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти городъ отъ разоренія, но образъ дѣйствій цесаревича, не желавшаго проливать кровь какъ своихъ солдатъ, такъ и возставшихъ жителей, къ которымъ, какъ извѣстно, такъ благосклонно относился онъ до возстанія, былъ причиною того, что въ началѣ мятежа городъ не постигло страшное бѣдствіе. Извѣстно, что войско до послѣдней минуты было предано своему вождю; а если принять во вниманіе то, что въ городѣ не было ни единства, ни порядка, то безъ особеннаго труда городъ могъ быть разрушенъ до основанія. Особенныя обстоятельства имѣли большое вліяніе на успѣхъ революціоннаго движенія въ самомъ началѣ возстанія.

Въ то время между государемъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ были холодныя отношенія по поводу новыхъ гвардейскихъ мундировъ и въ особенности по той причинѣ, что государь далъ почувствовать великому князю, что вызоветъ изъ Варшавы въ С.-Петербургъ гвардію. Носились слухи въ Варшавѣ, что цесаревичъ былъ весьма недоволенъ такимъ отношеніемъ и въ довѣренномъ кружку будто выразилъ слѣдующую мысль: «я уступилъ въ Его пользу престолъ, а Онъ не хочетъ оставить сапоговъ прежняго образца для моихъ гренадеръ.» На основаніи только этого обстоятельства можно объяснить полнѣйшее отсутствіе распорядительности и холодное отношеніе мѣстнаго начальства къ дѣйствіямъ мятежниковъ, которыми отличались первые моменты вспыхнуваго возстанія. За нѣсколько недѣль до начала возстанія намѣстникъ не обращалъ напр. вниманія на различные пасквили, которые ходили по рукамъ горожанъ, между прочимъ, что Бельведеръ ¹⁾ отдается въ на-

¹⁾ Мѣстопребываніе великаго князя одинъ изъ царскихъ Варшавскихъ дворцовъ.

омъ и что школъ подпрапорщиковъ поручается главное начальство надъ польскимъ войскомъ. Когда же разнесся въ Бельведерѣ слухъ, что дѣйствительно вскинулось въ городѣ мятежъ и когда самъ великій князь принужденъ былъ оставить свой дворецъ, посланъ былъ въ городъ полкъ гвардейскихъ конныхъ егерей, чтобы занять Варшаву; но когда полкъ по Новому-Свѣту ¹⁾ пробрался до церкви св. Креста и горожане встрѣтили гвардейцевъ выстрѣлами, то Константинъ Павловичъ отдалъ приказъ двинуться гвардейскому полку назадъ въ окрестности Бельведера. Вслѣдъ за тѣмъ отпущена въ городъ часть польскаго войска, окружавшаго своего главнокомандующаго. Собралъ два пѣхотныхъ, три кавалерійскихъ полка и одну батарею гвардейской артиллеріи, великій князь двинулся въ Брестъ и оттуда отпустилъ адъютантовъ польскаго происхожденія въ Варшаву. Такимъ образомъ въ Варшавѣ, благодаря самоотверженію и мужеству, безъ особеннаго труда могло образоваться революціонное правительство. Въ первые дни возстанія въ городѣ распоряжались молодые люди всякаго званія; по истеченіи нѣкотораго времени стали принимать участіе въ бунтѣ и другіе Варшавскіе жители. Рассказываютъ, что отставной генералъ графъ Падъ первый сталъ развѣшивать верхомъ по улицамъ въ конфедераткѣ ²⁾ и тѣмъ самымъ подавъ примѣръ другимъ панамъ открыто принять участіе въ возстаніи.

II.

Многіе утверждали, что Хлопицкій былъ избранъ въ диктаторы сначала студентами, затѣмъ войскомъ и наконецъ всѣмъ народомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ сосредоточеніе власти въ однихъ рукахъ необходимо дѣло; но быть хорошимъ солдатомъ еще не даетъ ручательства въ томъ, что тотъ-же солдатъ можетъ быть хорошимъ правителемъ, такъ какъ въ настоящее время правитель долженъ имѣть ясное понятіе вообще о ходѣ современныхъ политическихъ событій. Хлопицкій ни въ какомъ отношеніи не удовлетворялъ послѣднему условію. Съ молодости, служа подъ италіанскими, германскими и испанскими знаменами, онъ вовсе не зналъ своей родной земли, былъ чуждъ нравовъ и обычаевъ той страны, въ которой предстояло ему дѣйствовать въ качествѣ диктатора. Въ политическихъ вопросахъ, въ первые же дни своей верховной власти, онъ не обнаружилъ ни

¹⁾ Названіе улицы.

²⁾ Четыреугольная шапка.

малѣйшей сообразительности и ловкости. Когда совѣтовали Хлопицкому двинуться въ Литву и Волынь и воспользоваться общимъ революціоннымъ взрывомъ, который господствовалъ въ началѣ мятежа, онъ завелъ сношенія съ с.-петербургскимъ кабинетомъ. Отправилъ депутацію въ С.-Петербургъ; во главѣ ея былъ князь Любецкій, который, думавъ о своей личной безопасности и желая уйти изъ извѣстной Варшавы, посовѣтовалъ диктатору отправить депутацію къ Государю, а въ руководители ея предложилъ свою особу. Легко можно было предвидѣть, что Государь не будетъ договариваться съ своими вбунтовавшимися подданными. Депутація не была принята и возвратилась въ Варшаву; но глава ея, князь Любецкій, остался въ С.-Петербургѣ. По истеченіи нѣкотораго времени полученъ указъ, по которому полякамъ предписывалось положить оружіе и просить милосерднаго прощенія государя императора. Диктаторъ рѣшился собрать 100,000 армію и выступить противъ русскаго войска.

Прежде нежели разскажу о встрѣчѣ русскаго войска съ польскимъ, сообщу еще нѣсколько словъ читателю, относящихся къ жизни и публичной дѣятельности Хлопицкаго, съ которымъ я былъ знакомъ за нѣсколько еще лѣтъ до избранія его въ диктаторы. Хлопицкій былъ гнѣхотнымъ дивизионнымъ генераломъ польскаго войска во время намѣстничества великаго князя Константина Павловича, который всякій разъ послѣ парада на Саксонской площади ¹⁾ невольнѣ одобрялъ дивизію Хлопицкаго, какъ служившаго когда-то въ Наполеоновской арміи, такъ какъ Великій Князь неблагосклонно относился ко всѣмъ подобнаго рода офицерамъ. Получая выговоръ Хлопицкій отвѣчалъ, что не на Саксонской площади заслужилъ военную славу и что не думаетъ онъ потерять ее на той-же площади. Но когда впослѣдствіи цесаревичъ сталъ обращаться къ нему съ болѣе серьезными выговорами, Хлопицкій сказался больнымъ и не являлся болѣе на Саксонскую площадь. Желая убѣдиться въ дѣйствительности болѣзни генерала, великій князь послалъ къ нему своего врача Кучковскаго. Исполняя приказаніе князя, врачъ явился къ генералу и желалъ по пульсу ознакомиться съ состояніемъ его здоровья; но Хлопицкій сильно ударилъ въ лице доктора и приказалъ вывести его вонъ. Послѣ такого случая оставалось Хлопицкому только просить объ отставкѣ. Цесаревичъ нашелъ удобный случай избавиться отъ самаго рѣзкаго наполеониста, а потому немедленно представилъ государю объ исключеніи Хлопицкаго навсегда изъ списка служащихъ по военному вѣдомству. Но сверхъ всякаго ожиданія, вмѣсто отставки полученъ былъ приказъ, по которому выдавъ

¹⁾ Въ городѣ Варшавѣ.

былъ Хлопицкому безсрочно-отпускной билетъ, приказано ему выдавать полный окладъ жалованья и уволить онъ былъ отъ должности съ мундиромъ и съ тою оговоркой, что не имѣетъ права выѣзда за границу и поступленія въ иностранную службу. Хлопицкій отказался отъ жалованья и мундира. Окруженный молодыми князьками, графами и знатѣйшими шляхтичами онъ гордо рассказывалъ по варшавскимъ улицамъ. Всѣхъ поражала благосклонность монарха къ Хлопицкому, такъ какъ было извѣстно, что великій князь не щадилъ генерала въ представленіи объ увольненіи отъ службы. Многие старались узнать причину благосклоннаго вниманія къ провинившемуся генералу. Приближенные къ Хлопицкому рассказывали по этому поводу слѣдующее: во время пребыванія императора Александра въ Парижѣ въ 1814 году князь Веллингтонъ рекомендовалъ Хлопицкаго Государю какъ отличнаго генерала и вспоминалъ о томъ, что нѣсколько разъ въ Испаніи, Хлопицкій побѣдилъ его (Веллингтона). Свидѣтельство, данное такимъ замѣчательнымъ полководцемъ, высоко поставило Хлопицкаго во мнѣніи императора Александра, и потому желалъ принять его на службу въ ту часть своей арміи, коей главнокомандующимъ назначенъ былъ августѣйшій братъ Государя. Но Хлопицкій еще долго оставался во французской арміи, живя во Франціи, гдѣ получилъ нѣсколько майоратовъ и орденовъ отъ Наполеона I-го. Только впоследствии онъ согласился служить въ рядахъ бывшей польской арміи въ должности начальника дивизіи. На этомъ только основаніи; т. е. въ виду лишь отзыва Веллингтона, можно объяснить, почему императоръ Александръ I такъ благосклонно отнесся къ Хлопицкому, несмотря на представленіе намѣстника о совершенномъ исключеніи его изъ службы. Но въ скоромъ времени Хлопицкаго ожидала другая участь.

Въ началѣ италіанской революціи регентъ Неаполитанскаго королевства, дѣдъ Неаполитанскаго короля Фердинанда, рѣшился вызвать Хлопицкаго въ Италію и поручить ему главное начальство надъ неаполитанской арміей; предлагалъ ему право гражданства, большое жалованье и значительное вознагражденіе по окончаніи войны. Въ то время на Варшавской почтѣ умѣли ловко вскрывать подозрительныя письма. Тогдашній почтъ-директоръ Суминскій, вскрывъ пакетъ отъ неаполитанскаго регента къ Хлопицкому, увѣдомилъ сего послѣдняго о предложеніи регента и своимъ порядкомъ препроводилъ пакетъ при рапортѣ въ канцелярію намѣстника. Это было сдѣлано по той причинѣ, что пакетъ былъ отправленъ изъ Неаполя, гдѣ въ то время началось революціонное движеніе. Великій князь, прочитавъ пакетъ, приказалъ въ надлежащемъ видѣ передать по принадлеж-

ности. Но генералъ зналъ, что о пакетѣ было доведено до свѣдѣній намѣстника и потому, играя комедію, отправляется къ великому князю и докладываетъ, что хотя онъ и получилъ письмо, но боится распечатать, такъ какъ пакетъ полученъ изъ страны, въ коей свирѣпствуетъ возстаніе. Цесаревичъ приказалъ сей частъ-же прочесть письмо. Когда это было исполнено, великій князь обращается къ Хлопицкому, будто не зная содержанія письма, съ вопросомъ, что заключается въ пакетѣ. Хлопицкій разсказалъ о предложеніи регента, но на вопросъ намѣстника, останется-ли онъ въ краѣ, или отправиться въ Италію? отвѣтилъ, что великому князю извѣстно, на какихъ условіяхъ государю угодно было уволить его отъ службъ, и что безъ особаго высочайшаго соизволенія не можетъ оставить своей родины. Тогда великій князь присовокупилъ: «а если-бы испросить высочайшее соизволеніе?»—«Я не пользовался бы монаршею милостію, такъ какъ я не намѣренъ командовать италіянцами, которые давно уже прославились своею трусостью, да и дѣло, за которое пришлось бы мнѣ сражаться въ Италіи, я вовсе не знаю». И на этотъ разъ великій князь не удалилъ изъ города человѣка, котораго не любилъ болѣе другихъ генераловъ. Но Хлопицкому самому надѣла варшавская жизнь. Быть безъ всякаго опредѣленнаго занятія; жить не на виду въ городѣ, гдѣ почти былъ всѣмъ извѣстенъ, это въ высшей степени смущало гордаго генерала. Поэтому онъ рѣшился переселиться въ Парижъ, имѣя надежду, что французское правительство, помня заслуги, оказанныя имъ когда-то Франціи, не оставитъ его въ нищетѣ, напротивъ того, будетъ выдавать ежегодно извѣстную сумму денегъ; тѣмъ болѣе, что Хлопицкій, уѣзжая изъ Франціи въ Варшаву за нѣсколько лѣтъ до того времени, отказался отъ майоратовъ, дарованныхъ ему французскимъ правительствомъ. Если-бы даже и не состоялись его планы, то и въ такомъ случаѣ онъ рассчитывалъ на то, что въ Парижѣ еще можно кое-какъ прожить, получая 10,000 франковъ, которые выдавало Хлопицкому французское правительство за ордена, полученные имъ когда-то отъ того же правительства. Хлопицкій подалъ прошеніе о выдачѣ заграничнаго паспорта и государь приказалъ выдать его, но вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ своему посольству въ Парижѣ позаботиться о томъ, чтобы французское правительство не приняло Хлопицкаго въ службу. Это объясняется тѣмъ, что государь, какъ въ то время многіе утверждали, желалъ воспользоваться опытностью стараго генерала въ случаѣ надобности. Хлопицкій, уѣзжая за границу, оставилъ между окружавшими его память вполнѣ польскаго пана: почти все движимое имущество роздалъ прислугѣ; между прочимъ лошадей и экипажи по-

дарить кучеру, а своему повару Стадницкому далъ денежную сумму на открытіе въ Варшавѣ кухмистерской, которая впоследствии сдѣлалась извѣстною въ Варшавѣ.

Въ Парижѣ многіе не хотѣли узнавать гордаго генерала; нерѣдко прежніе, даже близкіе его знакомые отворачивались отъ него при встрѣчѣ на улицѣ. Такое равнодушіе и неблагодарность французовъ поразили Хлопицкаго; еще болѣе онъ былъ пораженъ въ то время, когда замѣтилъ, что два маршала и нѣкоторые генералы, бывшіе его подчиненные, отказывали ему въ приѣмѣ, когда являлся къ нимъ въ квартиру. Гордость и честолюбіе Хлопицкаго не могли перенести подобнаго обращенія съ нимъ и поэтому онъ рѣшился оставить неблагодарный Парижъ и возвратиться снова въ Варшаву. При первой встрѣчѣ великій князь съ насмѣшкой обратился къ нему, что несмотря на то, что Хлопицкій при отъѣздѣ изъ Варшавы обѣщалъ жить и умереть въ Парижѣ, однакожъ снова прибылъ въ свое отечество, когда оно вовсе не нуждается въ его мечѣ. На это, какъ мнѣ передавалъ самъ Хлопицкій, будто-бы отвѣтилъ: «лучше ждать на родинѣ, чѣмъ за-границей, той минуты, когда Господу Богу угодно будетъ распорядиться нашей судьбой».

По приѣздѣ въ Варшаву, Хлопицкій совершенно перемѣнилъ образъ жизни: не поддерживалъ сношеній съ аристократіей, которая въ то время еще болѣе заботилась о томъ, чтобы имѣть его въ своемъ обществѣ; рѣдко принималъ приглашенія на обѣдъ къ магнатамъ; завелъ знакомство со многими, принадлежавшими къ среднему сословію; не держалъ лошадей и экипажа, почти каждый день можно было его видѣть гуляющимъ по варшавскимъ улицамъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ ѣздилъ въ извозничьемъ экипажѣ, который предлагалъ ему даромъ бывшій его кучеръ; обѣдалъ въ кухмистерской пана Стадницкаго въ особой комнатѣ, въ которой я именно и свелъ съ нимъ знакомство. Хотя мы обѣдали за однимъ столомъ, однакожъ долгое время не говорили другъ съ другомъ ни одного слова. Впоследствии когда онъ узналъ отъ содержателя кухмистерской, что я не фанатикъ и не невѣжа, началъ со мною бесѣдовать и иногда бесѣда продолжалась послѣ обѣда нѣсколько часовъ. Сначала не рѣшался онъ со мною говорить, какъ впоследствии оказалось, по той причинѣ, что привыкъ въ Испаніи и Италіи считать каждого католическаго священника фанатикомъ и необразованнымъ человекомъ; нерѣдко рассказывалъ мнѣ разнообразныя случаи изъ жизни духовенства этихъ странъ, которые изображали патеровъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Онъ передавалъ мнѣ, что многихъ приказалъ разстрѣлять будучи, напримѣръ, комендантомъ города Мурино (близъ

Рима). Объ этомъ случаѣ какъ-то разъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: въ городѣ разнеслись слухи, что патеры подговариваютъ жителей къ мятежу; тогда Хлопицкій, взявъ отрядъ гренадеръ, вошелъ въ церковь, приказалъ казнить проповѣдовавшаго священника, собрать другихъ патеровъ, сидѣвшихъ въ клиросѣ, вывести ихъ на площадь передъ церковью и разстрѣлять публично въ присутствіи собравшейся толпы городскихъ жителей. Въ дѣйствительности описаннаго факта я лично убѣдился, такъ какъ, будучи въ Римѣ, я нарочно ѣздилъ въ Мурино съ этою цѣлью. Вспоминалъ Хлопицкій еще и о другомъ фактѣ, доказывающемъ, до какой степени практиковались варварскіе обычаи въ началѣ текущаго столѣтія въ южной Европѣ. Будучи губернаторомъ провинціи ¹⁾ и начальникомъ дивизіи и узнавъ, что революціонеры въ большомъ числѣ собрались въ тамошней церкви, и что во главѣ ихъ патеръ поетъ *Te Deum laudamus*, держа въ рукахъ Св. Дары, Хлопицкій двинулъ въ церковь отрядъ пѣхоты, приказалъ положить на надлежащее мѣсто Св. Дары, всѣмъ революціонерамъ оставить церковь и на площади велѣлъ избить всѣхъ до одного человѣка. Рассказывая это, онъ еще прибавилъ, что такъ какъ площадь была небольшая, а революціонеровъ была масса, то изъ крови убиваемыхъ образовалась настоящая лужа; чтобы не ходить по ней, приказалъ онъ бросить на землю каменную статую, изображавшую какого-то святаго, помѣщенную въ углубленіи церковной стѣны; тогда, стоя на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде помѣщался святой, продолжалъ командовать отрядомъ при избіеніи вожаковъ возстанія. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу, когда генералъ окончилъ свой рассказъ. Замѣтивъ это, онъ обратился ко мнѣ съ улыбкой: «не иначе бы и вы сами сдѣлали, если-бы были на моемъ мѣстѣ: въ Италіи и Испаніи до того господствуетъ фанатическое настроеніе умовъ, что только самыя строгія мѣры могутъ произвести нѣкоторое вліяніе на чернь. Пускай-же она поблагодаритъ своихъ патеровъ за жестокости, которыя ей приходится иногда переносить отъ военачальниковъ во время беспорядковъ». Нерѣдко онъ говорилъ тоже о Римѣ, въ который прибылъ съ французскимъ корпусомъ для занятія Церковной области; онъ-то во главѣ своего баталіона окружилъ Ватиканъ, арестовалъ папу Пія VI и доставилъ его въ Авиньонъ. Часто острилъ, что выпало на долю поляковъ привести Римъ въ порядокъ, такъ какъ генералъ Домбровскій, будучи губернаторомъ Рима, получилъ предписаніе отъ командовавшаго корпусомъ, чтобы пронумеровать дома, снабдить городъ фонарями, вымостить улицы. Эта работа стоила много труда: чтобы про-

¹⁾ Кажется въ городѣ Кампостелла.

нумеровать дома, надо было каждый изъ нихъ брать штурмомъ и затѣмъ еще долго караулить, чтобы горожане не снимали нумеровъ. Суевѣрные итальянцы думали, что губернаторъ и вообще всѣ исполнители закона посягаютъ на ихъ совѣсть, на ихъ домашнее спокойствіе и ни какъ не могли составить себѣ понятія, что надлежащій порядокъ составляетъ, такъ сказать, душу всякаго благоустроеннаго государства. Однакожъ, благодаря энергіи генерала Домбровскаго, по истеченіи года, вѣчный городъ былъ пронумерованъ, вымощенъ и освѣщенъ. Дѣйствительность этого факта подтвердилъ очевидецъ, съ которымъ я познакомился, будучи въ Римѣ: то былъ французскій монахъ Бонифратеръ, домашній врачъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главный докторъ польскихъ легіоновъ, состоявшихъ подъ командою генерала Домбровскаго. Монахъ рассказывалъ, что ни одно сраженіе въ Италіи не доставило въ то время въ больницу столько раненныхъ солдатъ, сколько операція приведенія въ порядокъ Рима: горожане шли съ крышъ кипяткомъ, бросали камнями въ отряды, окружавшіе дома, бросались даже съ ножами въ рукахъ на солдатъ и такимъ образомъ послѣ каждой такой встрѣчи цѣлый контингентъ раненныхъ доставляли въ больницу. Въ награду за приведеніе города въ порядокъ римскій сенатъ (городская дума) поднесъ генералу Домбровскому знамя, отнятое у Турокъ Яномъ Собѣскимъ при осадѣ Вѣны и хранившееся до того времени въ римскомъ Капитоліи. Это знамя Домбровскій препроводилъ въ Варшаву и оно нѣкоторе время хранилось въ этомъ городѣ въ церкви Св. Іоанна, откуда, по усмиреніи мятежа въ 1831 году, послано въ С.-Петербургъ.

III.

Въ началѣ возстанія я жилъ въ Сувалкахъ и управлялъ Августовскою епархіей, а епископъ мой пребывалъ въ Варшавѣ. По истеченіи нѣкотораго времени онъ потребовалъ меня въ Варшаву. Въ первыхъ числахъ января 1831 года прибылъ я въ Варшаву, которая представилась моимъ глазамъ въ видѣ настоящаго хаоса: на что я ни взглянулъ, вездѣ было полное отсутствіе порядка и плана. Многимъ, гордо расхаживавшимъ по Варшавѣ, казалось, что русское войско до того напугано первыми событіями возстанія въ Варшавѣ, что долго не явится въ предѣлы Царства Польскаго. По этому, вѣроятно, поводу вожаки мятежа вовсе не заботились о томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать надлежащіе приготовленія для защиты страны. Правда, много бѣгало офицеровъ, роскошно одѣтыхъ, вхо-

дившихъ въ составъ будто бы сформированныхъ новыхъ полковъ, но нельзя было видѣть ни одного солдата этихъ полковъ; если они и были, то, по всему вѣроятію, существовали только на бумагѣ. Всѣ отъ мала до велика веселились, придумывали всевозможныя развлечения; но если бы спросить въ то время вполнѣ серьезнаго человѣка, что заставило варшавянъ предаваться такой особенной радости, вѣроятно бы отвѣтили, что горожане чувствуютъ, что въ скоромъ времени и городъ ихъ, и вся страна будутъ разорены и, вмѣсто прежняго общаго благосостоянія, многіе сдѣлаются нищими. По пѣлымъ днямъ кофейни были переполнены и въ особенности кофейня «Honoratki»¹⁾, въ которой собирались сливки, какъ говорили въ то время, варшавскихъ патріотовъ; къ числу такихъ принадлежали редакторы газетъ и издатели различныхъ брошюръ, которыхъ въ то время выходило множество; собирались тоже авторы пѣсни, начинающейся словами: «Po bruku łuszałes»²⁾, въ которой каждая строфа составляла произведеніе другаго автора. Въ кофейнѣ авторъ становился на столъ, пѣлъ свой куплетъ, а публика послѣ каждой строфы припѣвала: а ку! ку! куку! Въ этой кофейнѣ произносились политическія и патріотическія рѣчи, отличавшіяся особеннымъ фанатизмомъ; сообщались всѣ новости и сплетни, неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ. Диктаторъ занимался наборомъ паничей, происходившихъ изъ богатыхъ шляхетскихъ семействъ, для образованія гвардіи. Въ составъ ея вошли и студенты университета, извѣстные тогда подъ названіемъ «академиковъ», которыхъ самъ диктаторъ обучалъ военному искусству на Саксонской площади. У поляковъ, по обыкновенію, не было единства, согласія и необходимой въ такихъ случаяхъ выдержанности. Въ составѣ главнаго правленія почти съ перваго дня обнаружились споры изъ-за мелочей; господствовала зависть и взаимное недовѣріе между военными и гражданскими властями; повсюду въ городѣ говорили объ интригахъ самаго нисшаго качества вожаковъ возстанія. Диктаторъ, доведенный до крайности подобнаго рода поступками, приказалъ ночью арестовать члена революціоннаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ министра исповѣданій и просвѣщенія Лелевеля. Эта мѣра сильно подѣйствовала на многихъ революціонеровъ и она не только имъ не понравилась, но даже считали ее нарушеніемъ своей «золотой вольности». По этому поводу въ городѣ носились слухи что скоро въ Варшавѣ вспыхнетъ контръ-революція противъ диктатора. Войску приказано было быть на готовѣ въ

¹⁾ Имя содержательницы кофейни.

²⁾ На мостовой ты шумѣлъ.

случаѣ новаго бунта и всѣми силами приказано водворить порядокъ въ городѣ. Студенты караулили помѣщеніе диктатора и къ собиравшейся около зданія толпѣ обращались съ слѣдующими словами: «только по нашимъ трупамъ проберетесь къ нему; смерть каждому, кто осмѣлится посягнуть на жизнь его». Князь Адамъ Чарторижскій и еще нѣкоторые другіе представители тогдашняго правительства обратились къ диктатору съ просьбой объ освобожденіи Лелевеля. Дурно принявъ депутацію диктаторъ, а князю Чарторижскому поставилъ на видъ, что онъ самъ нарушаетъ порядокъ и вѣроятно самъ врагъ единства и закона. При этомъ прибавилъ, что впредь ни кому не позволить вмѣшиваться въ предоставленныя ему права и въ противномъ случаѣ всякаго подвергнетъ смертной казни. Хлопичкій, дѣлая наставленіе депутаціи, такъ громко говорилъ, что каждое его слово можно было легко слышать на улицѣ. Видя, что въ Варшавѣ начинается настоящій терроръ, я поскорѣе постарался убраться изъ города и отправился въ Сувалки.

IV.

Оставляя Варшаву со всѣми ея тогдашними порядками, я постараюсь описать революціонное движеніе въ той части края, въ которой я былъ очевидцемъ возстанія, именно въ бывшемъ Августовскомъ воеводствѣ¹⁾.

Уже въ то время многіе утверждали, что Осипъ Годлевскій, извѣстный депутатъ отъ Маріямпольскаго округа на варшавскомъ сеймѣ и владѣлецъ обширныхъ помѣстій, исходатайствовалъ для себя должность Августовскаго региментарія или военнаго начальника Августовскаго воеводства не для блага страны, но ради матеріальной своей выгоды. Забота о личныхъ интересахъ обнаруживалась во всѣхъ его дѣйствіяхъ: въ началѣ движенія въ Августовскомъ воеводствѣ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ главный городъ воеводства и заниматься наборомъ солдатъ для сформированія Августовскаго пѣхотнаго полка, что ему было предписано варшавскимъ революціоннымъ правительствомъ, онъ отправился въ г. Ломжу, чтобы составить смѣту для постройки шоссе и условиться на счетъ доставленія соли въ магазины²⁾. Эта послѣдняя работа производилась руками его крестьянъ, за которую Годлевскій получалъ значительныя деньги. Изъ Ломжи отправился съ такою же цѣлью въ Августовъ, гдѣ пре-

¹⁾ Сувальская и Ломжинская губерніи.

²⁾ Въ то время еще была монополія продажи соли.

бывалъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что русское войско уже переправилось черезъ Нѣманъ въ дер. Штабинѣ. Тогда ушелъ въ Сувалки, гдѣ были собраны вновь сформированные баталіоны, Маріямпольскій и Сеймскій, съ тою цѣлю, чтобы ихъ двинуть по направленію къ Варшавѣ; но такъ какъ дорога въ Варшаву уже была занята русскими войсками, то баталіоны принуждены были двинуться назадъ въ сѣверную часть воеводства. Эти два отряда отличались различными злоупотребленіями: нападали на дома, грабили имущество мирныхъ жителей; не рѣдко даже грозили сжечь и села, и города, если приказанія ихъ не будутъ въ точности исполнены. Региментарій собиралъ только отовсюду деньги, давалъ распоряженія въ казначейство о выдачѣ членамъ воеводской комиссіи денегъ и собирался ежедневно, въ случаѣ появленія русскаго войска, пріискать себѣ, вмѣстѣ съ своими сподвижниками болѣе покойное мѣсто въ предѣлахъ Пруссіи. Замѣтивъ это, я просилъ Годлевскаго указать мнѣ лице, которому будетъ поручено исправленіе обязанности региментарія въ случаѣ его бѣгства за границу. «Ибо, хотя русское войско не будетъ нуждаться въ региментаріи и само сумѣетъ собрать все необходимое для продовольствія арміи, однако-жъ для жителей мѣстный авторитетъ въ подобныхъ случаяхъ необходимъ, въ особенности при распредѣленіи налоговъ».

На это мнѣ региментарій отвѣтилъ: «вмѣсто того, чтобы заботиться о здѣшнихъ порядкахъ, будетъ цѣлесообразнѣе, если ксендзъ-офиціалъ, вмѣстѣ съ нами, отправится за границу».

Таковъ былъ отвѣтъ одного изъ тѣхъ вожаковъ мятежа, которые, сбунтовавъ народъ, искали для себя безопаснаго мѣста за предѣлами края. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я сдѣлалъ намекъ воеводѣ, что неблагородно оставлять въ такихъ случаяхъ подчиненныхъ и прибавилъ, что я останусь въ Сувалкахъ и не покину порученной мнѣ, хотя только временно, паствы. Региментарій во-время убрался изъ Сувалокъ: до побѣга его изъ города были присланы диктаторомъ изъ Варшавы агенты: Стравинскій и Бржостовскій, сыновья помѣщиковъ, для вѣдѣнія за всѣми дѣйствіями Годлевскаго и въ случаѣ, если обнаружится, что региментарій заботится только о своихъ интересахъ, поручено было сказаннымъ эмиссарамъ покончить съ воеводой. Въ моемъ присутствіи и въ присутствіи еще нѣсколькихъ лицъ Бржостовскій зарядилъ пистолеты и побѣждалъ въ квартирѣ Годлевскаго, но его уже не было, онъ былъ уже далеко...

Русское войско вошло въ предѣлы царства, соблюдая строго дисциплину и не дѣлая ни малѣйшаго вреда жителямъ. Назначенный военнымъ губернаторомъ, генералъ-маіоръ Фончрикень (?) управлялъ воевод-

ствомъ вмѣстѣ съ воеводской комиссіей, которой члены поодиночкѣ возвращались изъ Пруссіи, видя порядокъ въ краѣ. Губернаторъ былъ до того доволенъ августовскимъ воеводствомъ, что сдѣлалъ даже представленіе главнокомандующему Дибичу объ исходатайствованіи передъ Государемъ Императоромъ какой нибудь милости для жителей вѣрннаго ему воеводства. Но едва успѣлъ отправить представленіе въ главную квартиру, какъ уже получено извѣстіе о вспыхнувшемъ возстаніи въ Маріампольскомъ округѣ подъ предводительствомъ арендатора бывшаго казеннаго имѣнія Антонѣво, Пушета. Такъ какъ объ этомъ возстаніи въ то время много было написано и въ особенности въ тогдашнихъ газетахъ, то я нахожу необходимымъ, хотя вкратцѣ, разсказать о немъ.

Тѣ, которые знали Пушета, когда онъ еще былъ въ военной службѣ, за тѣмъ дѣлшчимъ и наконецъ помѣщикомъ, утверждали, что трусъ, взяточникъ и плохой сосѣдъ никогда не можетъ честно руководить какимъ бы то ни было дѣломъ. И Пушетъ, подобно Годлевкому, взялся за оружіе, имѣя въ виду только свои личные интересы. Нисколько не помогъ дѣлу возстанія, но напротивъ того, нанесъ много вреда той части царства, въ которой началъ свое дѣйствіе: погибло не мало людей, до того времени мирно занимавшихся обработываніемъ своего участка земли и не мечтавшихъ о какомъ бы то ни было возстаніи. Если принять во вниманіе то, что жители, вслѣдствіе мятежа Пушета, должны были впоследствии давать продовольствіе значительному отряду русскаго войска и были лишены на долгое время многихъ рабочихъ рукъ, такъ какъ Пушетъ въ качествѣ казеннаго арендатора насильно бралъ крестьянъ въ службу, то получимъ ясное понятіе о пользѣ пресловутаго «Пушетскаго» возстанія. Возстаніе началось битвой при городѣ Маріамполѣ. Пушетъ, какъ только услышалъ пушечные выстрѣлы, ушелъ съ поля сраженія, оставивъ на произволъ судьбы маіора Мадейскаго и капитана Шока, желавшихъ ворваться въ городъ съ правой и лѣвой стороны. Мадейскій и Шокъ были взяты въ плѣнъ и, по приказанію полковника Анненкова, первый былъ разстрѣлянъ, а второй былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ другими революціонными офицерами. Вмѣстѣ съ тѣмъ попало въ плѣнъ около 4-хъ тысячъ литовскихъ крестьянъ, которые были отправлены на работу на строившееся въ то время шоссе между С.-Петербургомъ и Москвою.

Когда прибылъ въ Литву генералъ Гелгудъ, Пушетъ не отправился съ нимъ вмѣстѣ на правый берегъ Нѣмана, но остался въ Пильвишкахъ ¹⁾ для безопасности воеводской комиссіи, которая изъ

¹⁾ Посадъ Маріампольскаго уѣзда Сувалкской губерніи.

Сувалокъ перѣѣхала въ Пильвишки. Пушету снова удалось собрать около 400 пѣхотинцевъ, которыхъ черезъ нѣкоторое время отдалъ безъ выстрѣла въ руки русскихъ уланъ. Объ этомъ рассказываютъ слѣдующее: во главѣ своего отряда Пушетъ рѣшился напасть на гор. Сувалки, чтобы изгнать оттуда гвардейскую кавалерію; но, прибывъ въ Шиплишки ¹⁾ и узнавъ, что отрядъ той кавалеріи находится въ Пунскѣ (въ 7-ми верстахъ отъ Шиплишекъ), двинулъ туда свою пѣхоту подъ начальствомъ отставнаго капитана Мадалинскаго; самъ же, по своему обычаю, не принявъ участія въ предстоящемъ сраженіи и остался на станціи въ Шиплишкахъ, ожидая результата дѣйствій. Неоднократно передавали мнѣ, что Пушетъ, не выполнѣ надѣясь на свой отрядъ, сидѣлъ все время въ печи на станціи, пока не узналъ, что кавалерія вмѣстѣ съ его отрядомъ двинулась по направленію къ Сувалкамъ. Мадалинскій, приближаясь къ Пунску, замѣтилъ купавшихся гвардейцевъ въ оверѣ. Вмѣсто того, чтобы броситься на нихъ и отнять у нихъ лошадей и оружіе, онъ останавливается на ближайшемъ холмѣ, поднимаетъ на саблѣ бѣлый платокъ и требуетъ сдачи всего отряда. Гвардейцы немедленно садятся на коней и, думая, что революціонеры желаютъ сдаться, окружаютъ ихъ. Тѣ, ошеломленные, не зная, что дѣлать, такъ какъ и командиръ потерялъ присутствіе духа, даже незащищаются; гвардейцы между тѣмъ успѣваютъ отнять оружіе и какъ стадо барановъ гонятъ мятежниковъ въ Сувалки. Однако, не смотря на это, Пушетъ еще держался нѣкоторое время и даже успѣлъ сформировать отрядъ кавалеріи, состоявшій изъ 50 хорошо вооруженныхъ солдатъ, изъ которыхъ большую половину потерялъ ради удовольствія начальника своего штаба. Этотъ послѣдній, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы отправляется въ Пруссію за покупкой пороху, между тѣмъ какъ онъ желалъ только повидаться съ своею любовницею, жившею въ городкѣ Бакаларжевѣ, взялъ съ собою 20 человекъ кавалеристовъ; на обратномъ пути напалъ на него отрядъ Донскихъ казаковъ, отъ которыхъ онъ одинъ только ушелъ пѣшкомъ. Солдаты всѣ до одного погибли.

Пушета съ тѣхъ поръ постоянно преслѣдовали русскіе отряды: ежедневно онъ переходилъ изъ одного города въ другой, наконецъ въ болотистой мѣстности между Райгродомъ и Граевомъ былъ разбитъ и отправился пѣшкомъ съ своимъ штабомъ въ Варшаву, гдѣ его долго считали весьма заслуженнымъ вожакомъ возстанія. Онъ оставилъ по себѣ весьма незавидную память въ тѣхъ мѣстахъ, въ

¹⁾ Почтовая станц. между Сувалками и Кальваріей.

которыхъ дѣйствовалъ во время мятежа: любилъ безащадно вѣшать своихъ личныхъ враговъ, между которыми первое мѣсто занималъ вышеупомянутый Годлевскій. За нѣсколько лѣтъ до возстанія Годлевскій, имѣя помѣстья близъ Ковна (въ Маріямпольскомъ уѣздѣ) и желая увеличить ихъ новыми пріобрѣтеніями, нападалъ съ своими крѣпостными людьми на казенныя земли и въ особенности на лѣса, принадлежащіе казнѣ. Старшимъ лѣсничимъ этихъ лѣсовъ былъ Пушетъ. Между Годлевскимъ и Пушетомъ началась настоящая распря: нерѣдко были въ лѣсу кровавыя схватки между лѣсными стражниками и людьми Годлевскаго, грабившими казенное имущество. Съ тѣхъ поръ почти еженедѣльно Годлевскій и Пушетъ посылали доносы въ Варшаву другъ на друга, такъ какъ Пушетъ не отличался чистыми руками во время отправленія служебныхъ обязанностей. Въ концѣ концовъ лѣсничій замѣтилъ, что за различныя продѣлки по службѣ придется, чего добраго, попасть въ тюрьму, можетъ быть, даже вмѣстѣ съ Годлевскимъ; это заставило его за нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія подать въ отставку и затѣмъ онъ охотно сдѣлался однимъ изъ вожаковъ возстанія въ бывшемъ августовскомъ воеводствѣ. Въ началѣ мятежа главная его цѣль была перевѣшать всѣхъ тѣхъ, на которыхъ Годлевскій указывалъ въ своихъ доносахъ, какъ на лицъ, желавшихъ доказать справедливость его донесеній. Поплатились въ особенности несчастные крестьяне Годлевскаго и многіе евреи. Сколько Пушетъ могъ повѣсить крестьянъ, можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что, по свидѣтельству многихъ моихъ знакомыхъ, однихъ только жидовъ повѣшено имъ болѣе 90. Вотъ патриотическая цѣль возстанія, которое вожаки его называли народнымъ.

Съ тѣхъ поръ, когда въ Сувалки прибыли отряды русскаго войска, я, сидя почти безвыходно въ своемъ домѣ, такъ какъ строжайше было запрещено отлучаться каждому жителю изъ дому, дождался прибытія въ городъ революціоннаго генерала Гелгуда, который торжественно вѣхалъ въ городъ, сопровождаемый съ одной стороны католическимъ ксендзомъ, а съ другой лютеранскимъ пасторомъ. Послѣ вѣзда въ городъ генералъ прислалъ ко мнѣ своего полковника V len'in d'Otrive, чтобы сдѣлать мнѣ внушеніе за то, что я не встрѣтилъ его торжественно у городской заставы и не приказалъ бить въ колокола. Чтобы извиниться передъ нимъ, я отправился въ его квартиру; я былъ знакомъ съ нимъ, такъ какъ нерѣдко встрѣчался въ одномъ изъ варшавскихъ женскихъ монастырей, извѣстномъ подъ названіемъ Камоничекъ ¹⁾, гдѣ была

¹⁾ Аристократическій монастырь, существующій до настоящаго времени.

его сестра монахиней. Онъ принялъ меня ласково и нашёлъ мое оправданіе вполне справедливымъ, такъ какъ я объяснилъ, что въ городѣ ни кто не зналъ, кто именно приближался къ востовамъ Сувалокъ, русскіе-ли, или поляки. Онъ уговаривалъ меня двинуться съ нимъ вмѣстѣ въ Вильно. Но когда я не согласился на это предложеніе, ссылаясь на то, что не могу отлучиться изъ Сувалокъ, по поводу служебныхъ обязанностей (я тогда управлялъ Августовской епархіей), онъ посмотрѣлъ на меня сердито и прибавилъ, что напрасно я забочусь о томъ, чтобы поддержать порядокъ въ краѣ, который снова достанется русскимъ. Однако былъ настолько любезенъ, что, по моей просьбѣ, приказалъ дать стражу одной еврейкѣ, которую солдаты уже ограбили и хотѣли повѣсить за то, что ее мужъ, за нѣсколько часовъ до того времени, будто бы былъ интриганомъ въ русскомъ отрядѣ.

Поражало меня то обстоятельство, что Гелгуду порученъ былъ 20,000 корпусъ, отлично вооруженный, такъ какъ поляки не доверяли ему и всегда считали его подозрительнымъ лицомъ. Вышеупомянутый полковникъ Valentin, который былъ въ моемъ домѣ на квартирѣ, объяснилъ это тѣмъ, что Гелгудъ отличился тогда въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, въ особенности, находчивостью и распорядительностью во время отступленія его дивизіи изъ города Какумина ¹⁾. Во время этого отступленія, какъ увѣрялъ полковникъ, Гелгудъ отличился не только замѣчательною личною храбростью, но и особеннымъ знаніемъ военного искусства. За это отличіе главнокомандующій Скржинецкій поручилъ Гелгуду лѣвое крыло арміи, которая выступила противъ русской гвардіи, собранной въ окрестностяхъ мѣстечка Снядовъ ²⁾. Скржинецкій ошибся въ своихъ расчетахъ, такъ какъ гвардія двинулась обратно на правый берегъ Нѣмана близъ города Тикодина, а между тѣмъ дошли до него слухи, что фельдмаршалъ Дибичъ безъ всякаго сопротивленія перешелъ рѣку Бугъ, не смотря на то, что поручено было защищать переправу Янковскому и Уминскому, командовавшимъ значительными отрядами. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, Скржинецкій оставилъ Тикодинъ, поспѣшно прибывъ въ Остроленку и въ Шельковѣ ³⁾ расположился лагеремъ. Тогда то началось кровавое сраженіе, которое фельдмар-

¹⁾ Городекъ въ Варшавской губ., Ново-Минскаго уѣзда.

²⁾ Правымъ крыломъ этой арміи командовалъ Гома Лубенскій, а центромъ — главнокомандующій Скржинецкій.

³⁾ Въ 14 верстахъ отъ Остроленки.

шалъ Дибичъ въ своемъ рапортѣ называетъ кровавою купелью. Но описаніе этой страшной битвы не относится къ моему разсказу. Возвращаясь къ Гелгуду, который во время Остроленскаго сраженія находился въ Ломжѣ и прислушивался къ гулу орудій, не двигаясь съ мѣста и даже не думая о томъ, чтобы отправиться на помощь остальной части арміи, не смотря на то, что окружавшіе его офицеры совѣтовали непремѣнно это сдѣлать. Онъ могъ соединиться съ главной арміей безъ особеннаго труда, такъ какъ мостъ на рѣкѣ Наревѣ (противъ Вислы) былъ еще цѣлъ; но онъ порѣшилъ остаться въ Ломжѣ до тѣхъ поръ, пока не получитъ дальнѣйшихъ распоряженій отъ Скржинецкаго; а между тѣмъ въ Ломжѣ предоставилъ полную свободу дѣйствія своимъ солдатамъ, которые грабили магазины императорской гвардіи, оставшіеся въ городѣ. Скржинецкій, думая, что Гелгудъ не можетъ съ нимъ соединиться, такъ какъ предполагалъ, что лѣвое крыло окружено со всѣхъ сторонъ русскими войсками, послалъ къ Гелгуду отрядъ кавалеріи, извѣстной подъ названіемъ Познанской, подъ начальствомъ генерала Дембинскаго и приказалъ двинуться въ Ковенскую и Виленскую губерніи, чтобы поддерживать въ нихъ вспыхнувшій мятежъ. Уже въ Ломжѣ начали подозрѣвать Гелгуда въ измѣнѣ. Это мнѣніе еще болѣе усилилось и даже распространилось по всему корпусу, когда послѣ побѣды, одержанной имъ надъ русскимъ отрядомъ подъ городомъ Райгродомъ, въ которой попали въ плѣнъ 2 баталіона полка имени извѣстнаго Аракчеева, и тяжело былъ раненъ начальствовавшій генералъ (имени его не помню), онъ не желалъ воспользоваться результатомъ ея. Вмѣсто того, чтобы отправиться кратчайшимъ путемъ въ гор. Сувалки, гдѣ онъ могъ взять въ плѣнъ русскій отрядъ, оставшійся безъ предводителя въ полномъ разстройствѣ, шелъ черепашнымъ шагомъ на Августовъ, наводя мосты на каждой рѣчкѣ, которые были сожжены отступавшимъ русскимъ отрядомъ. Только по истеченіи трехъ дней онъ прибылъ въ Сувалки, вслѣдствіе чего не успѣлъ отнять у разстроеннаго отряда болѣе 15 милл. рублей сер., 100 повозокъ, наполненныхъ различными военными предметами, нѣсколько орудій и нѣсколько десятковъ солдатъ. Губернаторъ Фолчрикенъ, какъ только замѣтилъ, что отрядъ отступаетъ и что командиръ его тяжело раненъ, принялъ начальство, отправилъ деньги и повозки въ Ковно, а на слѣдующій день двинулъ по направленію къ тому же городу и разстроенный отрядъ. Самъ-же съ нѣсколькими казаками оставилъ городъ только тогда, когда замѣтилъ, что польскій корпусъ находится въ разстояніи только 2—3-хъ верстъ отъ города. Прощаясь со мною у крыльца моего дома, губернаторъ совѣтовалъ мнѣ не

оставлять пастыи и выразилъ надежду, что онъ возвратится въ городъ въ самое непродолжительное время.

Генераль Гелгудъ цѣлый день пробылъ съ своимъ корпусомъ въ Сувалкахъ. Можно было тогда повсюду слышать, какъ солдаты жаловались на своего предводителя и публично называли его измѣнникомъ. Особенно поразило меня то обстоятельство, что у меня во время обѣда, когда за столомъ сидѣли нѣсколько десятковъ офицеровъ, между которыми былъ и генераль Дембинскій, адъютантъ Гелгуда, Скульскій, публично давалъ честное слово, что измѣннику генералу, какъ собацѣ, пустить въ лобъ пулю, если онъ и на будущее время будетъ обманывать корпусъ. Никто изъ присутствовавшихъ не сказалъ ни слова и послѣ обѣда офицеры разошлись по квартирамъ въ глубокомъ молчаніи. Когда русскій отрядъ переходилъ Нѣманъ по мосту въ Алексотѣ (предмѣстье Ковна), Гелгудъ далъ приказъ въ Сувалкахъ преслѣдовать его. Спустя четыре дня Гелгудъ прибылъ на берегъ Нѣмана; въ Алексотѣ приказалъ выстрѣлить нѣсколько разъ изъ орудій, поставленныхъ на Алексотскихъ возвышенностяхъ. Какое значеніе было этихъ выстрѣловъ, едва-ли понималъ самъ командовавшій генераль. На слѣдующій день, вмѣсто того, чтобы двинуться въ Вильно, гдѣ въ то время вовсе не было русскаго войска и занять этотъ важный стратегическій пунктъ, онъ направилъ свой путь въ Гелгудишки ¹⁾, мѣсто его родины. Переправившись на правый берегъ Нѣмана, онъ всѣми силами старался ослабить вспыхнувшій бунтъ: не принявъ предложенія помѣщиковъ Ковенской губерніи сформировать нѣсколько кавалерійскихъ и пѣхотныхъ отрядовъ. Въ Вильно двинулся онъ въ то время, когда городъ былъ наполненъ войскомъ и когда генераль Толстой принялъ надлежащія мѣры къ его оборонѣ. Гелгудъ хотѣлъ взять городъ съ той стороны, съ которой не могло быть ни малѣйшей надежды на вѣрный успѣхъ: потерпѣлъ поражение и принужденъ былъ отступить. Тогда онъ двинулся въ Шавли, гдѣ ожидала его такая же участь, какъ на Виленскихъ высотахъ. Видя полнѣйшую невозможность продолжать борьбу съ русскими войсками, онъ направилъ свой путь къ прусской границѣ, гдѣ адъютантъ Скульскій и сдержалъ свое слово: выстрѣлилъ ему въ лобъ изъ пистолета въ то время, когда Гелгудъ на конѣ появился передъ рядами войска. Корпусъ перешелъ границу и положилъ оружіе въ предѣлахъ Пруссіи, Скульскій, переправившись на лѣвый берегъ Нѣмана, отправился въ Варшаву.

¹⁾ Имѣніе на берегу Нѣмана недалеко отъ Прусской границы. Теперь собственность барона Кейделя.

Разсказывая о востаніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ, я считаю необходимымъ упомянуть объ одномъ происшествіи, которое достаточно характеризуетъ образъ мыслей и обычаи многихъ нашихъ (польскихъ) дѣвицъ. Слѣдующій примѣръ послужитъ доказательствомъ, какъ многія дѣвицы уклоняются отъ обязанностей, назначенныхъ имъ самимъ Богомъ: быть примѣромъ семейной добродѣтели, любящей матерью и женою; быть чуждой всякихъ политическихъ вопросовъ и вообще всего того, что несообразно съ ихъ врожденной скромностью. Странно смотрѣть на молодую барышню, которая, наговоривъ массу негѣпостей на русскихъ и побывавъ во всевозможныхъ псевдопатріотическихъ притонахъ, ухаживаетъ, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ, за русскими офицерами и выходитъ за любого изъ нихъ за мужъ. Всякій здравомыслящій человѣкъ согласится со мною, что военный мундиръ и вообще военное ремесло не идетъ къ лицу молодой дамѣ. А между тѣмъ подобными примѣрами можно было вдоволь налюбоваться въ 1831 году. Достаточно только вспомнить дѣйствія m-lle Плятеръ, которая, будучи совершеннолѣтнею и поэтому имѣя право распоряжаться своимъ громаднымъ имѣніемъ, сформировала на свой счетъ уланскій полкъ, сдѣлалась его командиромъ и, надѣвъ полковничій мундиръ, окружила себя адъютантами, набранными изъ дѣвицъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ семействамъ Ковенской и Виленской шляхты. Сначала этотъ странный полковникъ пользовался большимъ авторитетомъ; но въ послѣдствіи, когда замѣчены были нѣтимныя отношенія графини-полковника къ подчиненнымъ офицерамъ, имя m-lle Плятеръ сдѣлалось предметомъ насмѣшки. Послѣ неудачнаго сраженія подъ стѣнами Вильны, m-lle-полковникъ не послѣдовалъ примѣру Гелгуда, двигавшагося съ своимъ корпусомъ, какъ уже сказано, къ предѣламъ Пруссіи; но, бросивъ свой полкъ, графиня переправилась на берегъ Нѣмана въ бывшее Августовское воеводство съ однимъ офицеромъ такъ называемаго познанскаго отряда, сыномъ богатаго помѣщика теперешней Ломжинской губерніи. Офицеръ въ одну прекрасную ночь похитилъ у нея значительную сумму денегъ, большое множество драгоценностей, которыя постоянно она таскала съ собою и ушелъ, неизвѣстно куда; нѣкоторые тогда-же толковали, что бѣжалъ за-границу. Графиня, замѣтивъ, что у нея нѣтъ ни лошадей, ни копѣйки за душою, поняла свое безвыходное положеніе и помѣстилась, на нѣкоторое время, у корчмаря-жида за оставшіяся у нея еще на пальцѣ драгоценный перстень. Будучи у еврея, она узнала, что недалеко живетъ знакомый ей викарный ксендзъ, котораго нѣсколько разъ видѣла въ Ковенскомъ доминикан-

скомъ монастырѣ, когда онъ еще былъ монахомъ. Она рѣшилась отправиться къ нему и просить совѣта, что дѣлать въ такомъ положеніи. Три дня она шла пѣшкомъ въ Метеле (село Сейнскаго уѣзда), гдѣ жилъ упомянутый священникъ; въ продолженіи этого времени ничего не ѣла и утромъ четвертаго дня отъ полнаго истощенія силъ пала въ обморокъ въ хатѣ какого-то крестьянина. Мужикъ сжалился надъ несчастнымъ положеніемъ этой женщины, накормилъ ее и отвезъ въ Метеле къ ксендау Доманскому. У небогатаго викарнаго ксендаа графиня не могла найти для себя соотвѣтствующаго ея званію пріюта и, по его совѣту, рѣшилась отправиться въ дер. Юстыномъ къ помѣщику Игнатію Абламовичу, извѣстному своимъ честнымъ и благороднымъ характеромъ. Въ домѣ его она нашла радушиное гостепріимство и была окружена возможною заботливостью; но по истеченіи нѣсколькихъ дней эта жертва заблужденія скончалась; тѣло ея похоронено на кладбищѣ въ Концевѣ ¹⁾. Передъ смертью въ присутствіи всѣхъ, окружавшихъ ее она рассказала въ своихъ поступкахъ, которые могутъ послужить только примѣромъ, до какой степени заблужденія можетъ довести крайній фанатизмъ.

V.

Чтобы дать читателю хоть сколько нибудь вѣрное понятіе о безпорядкахъ 1831 года, я считаю необходимымъ разсказать вкратцѣ о томъ, что происходило въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, послѣ того, какъ Хлопицкій приготовился къ встрѣчѣ русскаго войска. Хотя я и не былъ очевидцемъ событій, происходившихъ въ то время въ Варшавѣ, но, живя впоследствии долгое время въ этомъ городѣ и имѣя сношенія съ лицами, участвовавшими въ революціонномъ правительствѣ, я составилъ себѣ ясное понятіе о положеніи края во время мятежа.

Въ началѣ движенія многіе близко знавшіе Хлопицкаго, толковали, что, если онъ заупрямится, что случится навѣрно, когда ему не понравится въ Варшавѣ составъ революціоннаго правительства, то онъ готовъ будетъ бросить все на произволъ судьбы и уйти за границу. Это предположеніе вполне осуществилось во время Гроховскаго сраженія. Уже въ началѣ битвы онъ былъ весьма недоволенъ дѣйствіями генерала Круковецкаго, который началъ самостоятельно распоряжаться

¹⁾ Въ 30-ти верстахъ отъ Сейнъ.

на лѣвомъ крылѣ. На второй день битвы диктаторъ, разсердившись на генерала Жимирскаго за то, что сей послѣдній не сумѣлъ взять какую-то рошу, весьма важный стратегическій пунктъ, не смотря на то, что Жимиірскій геройски погибъ на полѣ битвы, бросилъ Гроховское поле и, подъ предлогомъ раны, ушелъ въ Варшаву, откуда, по истеченіи самаго непродолжительнаго времени, отправился въ Краковъ. Главнокомандующимъ былъ избранъ князь Радзивиллъ; но когда онъ отказался отъ предводительства, назначенъ былъ командующимъ полковникъ Скржинецкій. Тогда бой въ Гроховѣ продолжался еще съ большимъ ожесточеніемъ цѣлый день и цѣлую ночь. Но какое значеніе могла имѣть храбрость солдатъ, оказанная въ Остроленкѣ, Гроховѣ, въ Ваврѣ и другихъ мѣстахъ, когда между вельможами, составлявшими революціонное правительство, не было ни малѣйшаго единства дѣйствія, ни строго опредѣленнаго плана. Сеймъ составленъ былъ не на основаніи закона изъ представителей отъ воеводствъ, составлявшихъ Царство Польское, но выписаны были депутаты изъ Украйны, Волыни, Литвы, Бѣлой Руси и Жмуди. Сеймъ забавлялся вопросами, которые вовсе не могли быть предметомъ его дѣйствій и которые были совершенно противоположны тогдашнимъ обстоятельствамъ. Можно было слышать голоса на сеймѣ: «долгой безбрачіе духовенства! прочь съ католическимъ Богомъ и съ католической религіей!» Въ началѣ собранія сейма прославляли шляхту, какъ лучшую и необходимую часть народа, какъ фундаментъ всего существовавшаго въ краѣ; впослѣдствіи начали осмѣивать ее, приписывая ей все несчастье, постигшее отечество. Нѣкоторые даже отказывались отъ своего шляхетскаго происхожденія. Тогда все спасеніе видѣли въ простомъ сословіи, которому обѣщаны были золотыя льготы, что, конечно, не было бы приведено въ исполненіе. Это мое искреннее убѣжденіе могло-бы быть подтверждено различными фактами изъ прежнихъ дѣйствій польскихъ вельможъ¹⁾. Чтобы завер-

¹⁾ Прежнія дѣйствія польскихъ вельможъ не вполне подтверждаютъ оглушное мнѣніе автора воспоминавій. Еще въ концѣ XVIII ст. многіе польскіе вельможи надѣляли крестьянъ землею на чиншевыхъ условіяхъ, такъ напримѣръ: Бржостовскій, Хрептовичъ, Понатовскій, Малаховскій, Замоискій, Потоцкій (См. Kozłowski. Экономическое состояніе Польши, въ *Ateneum* 1877 г., томъ II, стр. 599). Извѣстный польскій экономистъ Сташицъ даже устроилъ образцовую крестьянскую общину въ своемъ громадномъ имѣніи у Грубешова, Люблинской губерніи. О начинаніяхъ поляковъ въ Литвѣ вотъ что пишетъ Лелевель въ своей запискѣ о крестьянахъ:

«На виленскомъ сеймикѣ 1818 г. помѣщики Литвы порѣшили немедленно обдумать средства для обезпеченія свободы крестьянамъ. Князь губернаторъ (Любецкій) вмгнѣ явился въ Вильно и пригрозилъ вице-губернатору, что вступить въ

пить нѣкоторые свои сумасбродные замыслы, сеймъ постановилъ низверженіе съ польскаго престола государя Николая Павловича, что было поводомъ къ окончательному разладу между двумя единоплеменными народами и отняло всякую надежду на великодушіе Государя, который, въ противномъ случаѣ, не отнесся бы строго къ провинившимся полякамъ. Тогдашнее наше (польское) дѣло не было такого рода, которое можно было выиграть на полѣ битвы,—странно даже было мечтать объ этомъ; но просьбой и ходатайствомъ у иностранныхъ державъ можно бы было сдѣлать много. При всемъ томъ, такъ называемая красная партія, руководимая Лелевелемъ, произвела контрреволюцію, которой злодѣянія, совершенныя въ день начала ея и въ слѣдующую затѣмъ ночь, превзошли всякія ожиданія. Въ то же время въ арміи господствовало полнѣйшее отсутствіе единства, согласія, повиновенія и довѣрія къ главнокомандующему; все это предвѣщало печальную катастрофу, тѣмъ болѣе, что начальство надъ русскими войсками ввѣрено было опытному въ военномъ дѣлѣ, извѣстному фельдмаршалу Паскевичу, назначенному на мѣсто Дибича, умершаго, какъ извѣстно, отъ холеры въ помѣстьѣ, лежащемъ близъ города Пултуска. Не буду подробно рассказывать о томъ, какъ Паскевичъ переправился на лѣвый берегъ Вислы, какъ штурмомъ взялъ укрѣпленное предмѣстье Варшавы, Волю; упомяну только о томъ, что послѣ кровопролитнаго сраженія при взятіи этого предмѣстья армія Паскевича надѣялась на то (??), что будетъ обильно вознаграждена добычею, найденной въ Варшавѣ. Но, когда русская армія находилась въ Варшавѣ, отданъ былъ Паскевичемъ приказъ по войскамъ о соблюденіи строжайшаго порядка, такъ какъ Варшава сдалась на капитуляцію. Объ этой капитуляціи, въ свое время, было самое разнообразное толки. Одни приписывали ее измѣнѣ генерала Круковецкаго, который называлъ себя не главнокомандующимъ, но только губернаторомъ Варшавы; другіе утверждали (по моему мнѣнію вполне основательно), что доброе обращеніе арміи съ завоеваннымъ городомъ, можно оправдать только великодушіемъ великаго князя Михаила Павловича, сражавшагося въ рядахъ русской арміи. Когда Паскевичъ вошелъ въ городъ, польское войско, собранное въ предмѣстьѣ Прагѣ, имѣя во главѣ революціонное правительство, двину-

исполненіе своей обязанности, если онъ не уищетъ сеймикующихъ. Вице-губернаторъ, исполняя должность губернатора и его порученія, онечатаъ сеймикову залу, чтобы по крайней мѣрѣ удержать публичный соблазнъ. Затѣмъ явился указъ, запрещающій шляхтѣ говорить на сеймикахъ о свободѣ подданныхъ. (Лелевель. Polska dzieje jej. томъ VII, стр. 36 и 178).

С. П.

лось въ городъ Закрочимъ (Плоцкой губерніи). По распоряженію фельдмаршала Паскевича въ городѣ объявлено было, что всѣ тѣ, которые не пожелаютъ остаться въ краѣ, могутъ въ продолженіи трехъ дней оставить городъ и отправиться вслѣдъ за своими возжаками. Вслѣдствіе продолжительной осады Варшавы и отсутствія всякаго порядка въ городѣ началъ свирѣпствовать голодъ и была ужасная дороговизна. Великій князь приказалъ выдавать бѣднѣйшимъ жителямъ города хлѣбъ изъ магазиновъ своей арміи, а также принять нѣсколько золотыхъ (15 коп. сер.) кредитными билетами революціоннаго правительства, потерявшими тогда всякое значеніе.

VI.

Какія преобразованія были введены въ краѣ по усмиреніи возстанія, опишу въ послѣдствіи, если не помѣшаютъ мнѣ обстоятельства; а теперь вкратцѣ расскажу то, что я видѣлъ въ Варшавѣ, куда я прибылъ, по повелѣнію моего пастыря, нѣсколько дней спустя послѣ взятія ея русскими.

Я нашелъ въ Варшавѣ прежній порядокъ, за исключеніемъ только того, что во главѣ присутственныхъ мѣстъ были поставлены новыя лица и что представителемъ верховной власти былъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Городъ принялъ свой прежній видъ: на улицахъ можно было встрѣтить не мало такъ называемой золотой молодежи; въ домахъ барышни пѣли «*Jeszcze polska nie zginęła*» (еще не погибла Польша), а мужчины хвастались своею храбростію и негодовали на полицію, которая запрещала появляться имъ на улицѣ въ мундирѣ національной гвардіи. Но бѣдствія и крайняя нищета господствовали въ нисшемъ сословіи: мастерскія были закрыты по неимѣнію совершенно работы; купецъ иногда въ продолженіи цѣлаго дня не продавалъ ни на одну копѣйку, такъ какъ покупать было некому; поденщикъ ходилъ изъ одного конца города въ другой, не находя нигдѣ работы. Не смотря на такое ужасное положеніе, какъ богатые, такъ и бѣдные тратили послѣднія копѣйки на приобрѣтеніе мелкихъ вещицъ, напоминавшихъ революцію, которыми начали торговать мелочные лавочники и въ особенности жида. Продавали деревянные крестики, игольники и другіе тому подобные предметы; матеріалъ для нихъ будто бы брали въ рошѣ, находившейся на Гроховомъ полѣ, такъ какъ многіе тогда утверждали, что вокругъ этой роши были громадныя лужи русской и польской крови. Дорого продавали ящики съ революціонными деньгами: червонецъ, золотой 30-ти копѣчникъ, сере-

бронный 5-ти копѣечникъ, мѣдная монета въ 1½ копѣйки и кредитный билетъ въ 75 коп. Продавали разнообразныя гравюры, между которыми въ особенности часто попадались изображавшія вновь сформированныя кавалерійскіе полки, которые отличались прекрасными мундирами. Жадно расхватывали также книги, газеты, пѣсни и ноты, изданныя во время возстанія. Нерѣдко покупали эти предметы и офицеры русской арміи, желая, повидимому, привести съ собою ихъ на родину, чтобы показать своимъ соотечественникамъ, чѣмъ забавлялись степенные патріоты въ Варшавѣ. Но на обратномъ пути арміи подобныя предметы конфискованы были у офицеровъ по распоряженію высшаго начальства.

Будучи въ Варшавѣ, я много слышалъ разсказовъ, относившихся къ битвѣ, бывшей на Гроховомъ полѣ. Жители Варшавы принимали въ свои дома всѣхъ раненыхъ во время этого сраженія. Бывали иногда сюрпризы для домохозяевъ, которыхъ характеръ и нравственность въ подобныхъ случаяхъ вполне обнаруживались. Между прочимъ разсказываютъ, что однажды ночью поднятъ былъ на улицѣ офицеръ, весь израненный въ той же битвѣ и былъ помѣщенъ въ домѣ одного зажиточнаго господина. На слѣдующее утро хозяинъ узналъ въ немъ бывшаго любовника своей жены, котораго за два года до начала возстанія едва не вызвалъ на дуэль. Хозяйка была въ двусмысленномъ положеніи, такъ какъ опасалась подозрѣній своего стараго мужа. Но ему нечего было относиться подозрительно къ своей красавицѣ, такъ какъ она уже имѣла сношеніе съ другимъ молодымъ кавалеристомъ. Непріятно было положеніе и мужа, который скорѣе желалъ бы видѣть своего соперника погибшимъ въ битвѣ, чѣмъ ухаживать за нимъ, что обязанъ былъ дѣлать по необходимости, такъ какъ въ противномъ случаѣ могъ подвергнуться большой опасности. Этого офицера я лично знаю; онъ живъ до настоящаго времени ¹⁾ (арендаторъ одного имѣнія въ Люблинской губерніи). Тогда онъ былъ весьма извѣстенъ въ Варшавѣ, такъ какъ благодаря только его храбрости и энергіи его баталіона, корпусъ Лубенскаго не попалъ въ плѣнъ при переправѣ черезъ Наревъ. Не называю его имени; но я убѣжденъ, что историкъ возстанія 1831 г. не оставитъ его дѣйствій безъ надлежащей оцѣнки, въ особенности, разбирая ужасный бой на Остроленскомъ мосту.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній, относящихся къ этой эпохѣ, я не могу не упомянуть о томъ, что многіе весьма серіозные люди удивлялись тому, какъ государь могъ позволить отправиться за гра-

¹⁾ Эта часть записокъ была составлена въ апрѣлѣ 1869 г. Г.

ницу такой массѣ людей, которыхъ единственною цѣлью было произведеніе новаго вооруженнаго возстанія въ краѣ. Уже тогда предсказывали дурныя послѣдствія такого дѣйствія правительства. До того времени было распространено за границей о Россіи мнѣніе, какъ о государствѣ большомъ, могущественномъ и справедливомъ. Съ появленіемъ за границей столь многочисленной эмиграціи, въ числѣ которой было много смѣлыхъ и не безъ дарованій личностей, мнѣніе о Россіи между французами и отчасти въ Германіи начало принимать совершенно другой оборотъ. Доказательствомъ того можетъ служить походъ эмигрантовъ черезъ Германію, гдѣ ихъ встрѣчали во многихъ городахъ почти торжественно. Съ тѣхъ поръ появились газеты, брошюры и даже довольно объемистыя книги, въ которыхъ подвергались критикѣ дѣйствія русскаго правительства, распространяли объ немъ самыя негѣпныя слухи, жаловались на его несправедливость и жестокость по отношенію къ полякамъ. Эмиграція 1831 года сдѣлалась для Россіи какимъ-то паразитомъ, отъ котораго трудно было отдѣлаться. Она была готова, при всякомъ случаѣ, произвести смуты въ краѣ и вообще во всякомъ уголкѣ Европы, гдѣ революціонеры жаждали произвести движеніе. Революція служить для нея ремесломъ; чтобы поддержать и доставить въ будущемъ контингентъ для нея, эмиграція основала въ Парижѣ Батиньольскую школу, въ которой исторія и Законъ Божій преподавались сыновьямъ и внукамъ выходцевъ въ революціонномъ направленіи. Само собою разумѣется, что при подобныхъ обстоятельстваахъ, не можетъ ни коимъ образомъ водвориться въ краѣ надлежащій порядокъ.

Буткевичъ.

Перевелъ съ польскаго г. Гиліусъ Сообщ. П. Е. Щебальскій.